

Т.А. Сироткина
Национальный корпус русского языка
как материал для создания этнонимического словаря

Опубликовано в: Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Под редакцией Н.Р. Добрушиной. Москва 2007. С. 230-234.

Существующий в Интернете Национальный корпус русского языка предоставляет лексикографам возможность использовать для создания словарей колоссальные массивы текстов самого разного типа.

Нам, в частности, интересно было посмотреть, каким образом материал Корпуса может быть полезен для создания этнонимического словаря и для разработки заданий на эту тему.

Только в Основном корпусе (а есть еще подкорпусы) с помощью поиска по семантическим признакам найдено 1232 документа, содержащих этнонимы – названия народов. Ни один существующий в настоящее время словарь этнонимов не содержит таких показательных в плане функционирования данных единиц контекстов не только из художественной прозы, но и поэтической, живой речи, современной публицистики.

Рассмотрим, какие типы дискурса содержат этнические имена.

1. Устная бытовая речь. В ней мы наблюдаем функционирование неофициальных форм этнонимов (например, не *украинка*, а *хохлушка*): «Я на одну треть хохлушка / на одну треть русская и на одну треть татарка» [Рассказ об именах (2005.07)].

2. Художественный дискурс. В произведениях писателей XIX – XX вв. представлены этнонимы, называющие народы России. В тексте они могут выступать в качестве лексем, создающих этнический колорит, выявляющих национальную специфику, а могут (если их несколько) создавать впечатление единства, общности представителей разных культур, например: «С тех пор как он пожил в одной тюрьме вместе с людьми, пригнанными сюда с разных концов, - с *русскими, хохлами, татарами, грузинами, китайцами, чухной, цыганами, евреями*, и с тех пор, как прислушался к их разговорам, наглядился на их страдания, он опять стал возноситься к богу, и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал» [А.П. Чехов. Убийство (1895)].

Положительным стороной Корпуса является то, что в нем представлена не только проза, но и поэтические тексты: «Под горой-то ольха, / На горе-то вишня; / Любил барин *цыганочку*, - / Она замуж вышла» [А.А. Фет. Кактус (1881)].

3. Научный дискурс. Хотя, на наш взгляд, данный тип дискурса недостаточно представлен в Корпусе, данный тип текстов важен как для лексикографов, так и носителей языка в целом. Стремление исследователей все привести в систему и упорядочить дает возможность и в этнонимии также выстроить систему именований, показать их иерархию, историческую преемственность народов: «Выдающиеся качества, которыми религия одарила современные народы и которые в глазах здравого смысла ставят их настолько выше древних, насколько последние выше *готтентотов* или *лопарей*; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые под влиянием подчинения безоружной власти стали столь же мягкими, как ранее они были жестоки, - все это прошло мимо нас» [П.Я. Чаадаев. Философические письма (1829-1831)].

4. Сценический дискурс. Обращения эстрадных артистов к публике отличаются обычно искренностью и простотой, стремлением передать очень важные истины в легкой и непринужденной форме. Мысль о единстве народов представляется им особенно важной и перспективной: «Но пусть, когда они вырастут, они не смогут понять даже через переводчика, что значит *армяшка и кацап, чурка и хохол*» [Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991-2000)].

Тексты Корпуса дают возможность показать в словаре не только сами этнонимы, но и более мелкие названия этнических групп (например, *крымские татары*): «Помню тетю Саиду, крымскую татарку, жену офицера флота» [Митьки. И наступил день когда (Сталин, крысы и землетрясение) (1993)].

Интересно наблюдать функционирование форм женского рода. Возможно, например, образование такой формы с помощью слова «женщина», выступающей в качестве приложения: «Уехал на севера за длинным рублем, да так там и остался, прижился у какой-то *коми-женщины* и сказал, что «это хорошо» [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)]. В качестве приложения может выступать само этническое именование, например: «Владимир Нешумов и Лира Абдуллина, его покойная жена, зеленоглазая красавица-*татарка*, жившие тогда в секретном городке Красноярск-26, спутнике города К., откуда их и выперли в одночасье

«за чтение и распространение» по манию полковника Кошкина, начальника местного отделения ГБ, однажды приехали в город К. встречать новый год и привезли с собой подружку по имени Ольга, сопровождаемую женихом по имени Гаврик» [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)]. Но чаще в речи используются однословные формы: «Только по-литовски и возможно, - подтвердил он, и она, коренная *литовка* с прожилкой тевтонской крови, вдруг ожглась необычным чувством: «Быть бы мне *грузинкой*, или *армянкой*, или хоть *еврейкой!*» [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)].

Далеко не всегда лексикографы внимательны к формам этнических имен, называющим детей. В Корпусе подобные имена представлены, и нельзя, по нашему мнению, оставлять их вне зоны исследования: «Узбечонок был доволен им, думая, что приручил» [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)].

Важной для любого словаря является фиксация производных форм слов. Этнонимы в этом плане – не исключение: «*Армяшка*, знакомый вам откупщик Халыбов, едва узнал, что вы взяли верх и что, наконец, живете полным владельцем, хотя и опустошенного, но дорогого-таки Сырта, приехал ко мне и сам предложил дать вам займы еще три тысячи, с тем чтобы закладную на мой дом похерить, а вам ему до уплаты заложить за эти пять тысяч рублей всю вашу землю» [Г.П. Данилевский. Воля (1863)].

Актуальным для современной лингвистики является обращение к фактам языковой картины мира разных народов. В этом плане словарь – зеркало языка, отражение тех представлений народа, тех стереотипов, которые существуют в языковом сознании. Этнические стереотипы находят отражение в том числе через некоторые показатели в контексте. Более яркой репрезентации оппозиции «свои – чужие» способствуют местоимения *какой-то*, *этот*, функционирующие в одном ряду с этнонимами: «Он рыжий, *чухна* *какая-то*, кривой, курносый, грубиян: все с Терезой бранится, чуть не дерутся» [Ф.М. Достоевский. Бедные люди (1846)]; «Соседка побывала на рынке – там *этих поляков и прибалтов* «хоть пруд пруди», продают всякий дефицит: трикотаж, парфюмерию, обувь» [Виктор Слипичук. Зинзивер (2001)].

Еще один показатель существующих этнических стереотипов – определения, предшествующие в контексте этнонимам. В них – представления, например, русских о тех или иных качествах разных народов: «Наша третья ступень – Отто Плуцис – был румяный *задумчивый прибалт*, который ни разу на моей памяти не присоединился к Ивану и Семей, когда они тренировались в казарме, - он, казалось, только и делал, что решал кроссворды из «Красного воина», лежа на своей койке (он всегда скрещивал на

сверкающей никелированной спинке ноги в тщательно начищенных сапогах)» [Виктор Пелевин. Омон Ра (1992)].

Одна из особенностей этнонимов – использование в нарицательном значении, и эту особенность нельзя упускать при их лексикографической обработке: «- Знамо, *татаркой-то* не живу, - обиделась Ильичиха» [Василий Шукшин. Письмо (1970-1972)].

Благодаря неснятой в некоторых контекстах омонимии у лингвистов есть возможность проследить связи этнонимов с топонимами и антропонимами. Например: «О намерении пойти по социалистическому пути заявил тогдашний правитель *Сомали* Сиад Барре» [Олег Трояновский. Через годы и расстояния (1997)]; «Бывшим зэкам был «временно» запрещен выезд за пределы *Коми* республики, а оканчивавшим срок прекратили выдавать документы «до особого распоряжения» [Олег Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]; «Отсутствие подлинного интереса к мнению Москвы сказалось в пестром составе выступавших – Л. Гинзбург, *Турков*, Мориц» [Давид Самойлов. Памятные записки (1971 – 1990)].

По этой же причине мы можем наблюдать функционирование этнонимов в качестве названий поэтических произведений или составной части названий музыкальных произведений: «Может быть, только один Александр Блок избежал шаблона, написав «Двенадцать и «*Скифов*», где русская революция была изображена первично» [Валентин Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)]; «- Людонька, запиши себе: тут должно быть намешано – «Прощание *славянки*», Вертинский, Армстронг!» [Ольга Новикова. Мужской роман (1999)].

Еще один положительный итог неснятой омонимии – возможность проследить переход этнонимов в нарицательную лексику. Панамки, литовки и другие предметы обихода видим мы в представленных в Корпусе контекстах: «Старые *литовки* без черенков, старые грабли, вилы» [Василий Шукшин. Алеша Бесконвойный (1972-1973)]; «Из кулечка он вынул красную детскую *панамку* и протянул Тате» [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]; «И сначала всего замечательней было то, как Иосиф, мыча, разбирает Сережин, как ниточка в узелках, мелкий почерк и, потянув большими руками, вытирает ладони о шикарный двубортный пиджак и широкие с отворотами брюки, и волнуется день ото дня все сильнее, и приносит не только конфеты, но и цветы, и прелестные заграничные ботинки на подкладке-*шотландке* – под предлогом для Парижской Коммуны и грязи» [Марина Вишневецкая. Есть ли кофе после смерти? (1999)].

Вместе с тем Национальный корпус русского языка полезен и при изучении студентами тех или иных разделов лингвистической науки. Исключением не является и

такой раздел ономастики, как этнонимика. Корпус может не только помочь преподавателю в подборе иллюстративного материала для занятий, но и (при условии технической обеспеченности учебных аудиторий) дает возможность вовлечь в этот процесс студентов.

Возможны, на наш взгляд, следующие типы заданий по теме «Русская этнонимия»:

1. Подберите из Корпуса тексты, содержащие этноним «русские» («татары», «украинцы» и т.д.).
2. Опишите этнические стереотипы, связанные с данным этнонимом.
3. Приведите примеры использования данного этнического имени в нарицательном значении.
4. Домашнее задание:
  - 1) сопоставьте найденный вами иллюстративный материал со сведениями, содержащимися в доступных вам словарях русского языка;
  - 2) обобщите полученные данные и составьте словарную статью для данного этнонима.

Выполненное подобным образом в аудитории и дома практическое задание не только позволит студентам расширить рамки собственных знаний этнонимии, но и будет способствовать приобретению ими навыков обобщения и систематизации, а также лексикографической обработки полученных данных.

Таким образом, материал Национального корпуса русского языка – незаменимый источник для создания современного словаря этнонимов русского языка, функционирующих в текстах самых разных типов. Неофициальные формы этнических имен, бытующие в устной речи; лексемы, создающие этнический колорит художественных произведений; системы этнонаименований, представленные в научных текстах, - все это и многое другое представлено в контекстах НКРЯ. Задача как исследователей, так и преподавателей – не только извлечь всю необходимую для них информацию, но и приобщить студентов к самостоятельному поиску, научить их использовать богатый иллюстративный материал для построения обобщений и выводов.